

Шэнь Чан Ань читал это письмо, наверное, около двадцати минут, хотя время словно остановилось для него. Он не мог, не имел права пропустить ни единого слова, ни единого иероглифа, даже самой ничтожной запятой, – каждое мгновение этого послания, пробившегося сквозь года, было бесценно. Он перечитывал некоторые строки по два, по три раза, вчитываясь, вдумываясь, пытаясь услышать за этими чернильными знаками живой голос отца – его интонации, его паузы, его дыхание.

– Вот... – мужчина, который до этого так бережно, словно младенца, держал в руках шкатулку, с трудом сглотнул подступивший к горлу ком и осторожно, почти трепетно, достал из внутреннего кармана пиджака небольшой аккуратный свёрток, перевязанный бечёвкой. – В тот день... в тот день мой руководитель уходил на это самое задание вместе с командиром Шэнем. Они были в одной группе. Он потом рассказывал, уже в госпитале, когда немного отошёл от ранения, что перед самым выходом, уже на погрузке, командир Шэнь вдруг обернулся к нему и сказал: "Вот вернусь домой – первым делом куплю пацану военную фуражку. А то ведь, чувствую, затаит обиду, решит, что отец – жадина и слово своё не держит", – голос мужчины дрогнул, но он справился с собой и продолжил: – Командир Шэнь... после того как командир Шэнь погиб, мой руководитель, весь израненный, без сознания, провалился в госпиталях почти год. Лечение было долгим и тяжёлым. А как только его выписали, как только он смог более-менее передвигаться самостоятельно – первым делом пошёл и купил эту фуражку. Самую лучшую, какую смог найти. Но потом... потом служба, работа, секретность, постоянные переезды – он никак не мог Вас разыскать. Всё время что-то мешало, – в глазах этого сурового, обветренного человека, прошедшего, видимо, не одно пекло, стояли слёзы. Крупные мужские слёзы, которые он даже не пытался скрыть. Он бережно, словно это была величайшая святыня, вложил этот свёрток в раскрытые ладони Шэнь Чан Аня. – Руководитель просил передать Вам, лично в руки: командир Шэнь своего слова не нарушил. Он всегда, слышите, всегда помнил о своём обещании, которое дал сыну. Даже там, перед лицом смерти, он думал о Вас.

– Я знаю, – голос Шэнь Чан Аня прозвучал глухо, но твёрдо. Он изо всех сил сжал в кулаке маленькую, почти игрушечную, но такую настоящую военную фуражку защитного цвета, чувствуя пальцами грубую ткань, прикасавшуюся когда-то к рукам незнакомого, но такого близкого теперь человека. – Мой отец был настоящим мужчиной, таким, что подпирает головой небо, а ногами – землю. Я никогда, слышите, никогда его ни в чём не винил. И мама... мама тоже ни разу не упрекнула его ни единым словом.

Даже в те далёкие, горькие, полузабытые годы раннего детства, когда запирали его одного в холодной, промозглой комнате, чтобы он не мешал, и он, маленький, сжимаясь в комок, часами смотрел на отцовскую фотографию на стене и сквозь слёзы, захлёбываясь обидой, шептал: "Ну где же ты, папа? Почему ты не возвращаешься?" – даже тогда, в те минуты отчаяния, он не винил отца. Где-то в глубине души он всегда знал: отец не мог поступить иначе.

– Спасибо Вам... спасибо за всё, – Шэнь Чан Ань дрожащими пальцами включил камеру на телефоне, тщательно, с разных ракурсов, сфотографировал и текст письма, и сам конверт – на случай, если вдруг оригинал когда-нибудь потеряется. Потом медленно, бережно, с невыразимой нежностью сложил пожелтевший листок обратно, вложил его в конверт и вернул в руки мужчины. – Пожалуйста, сохраните его. Это... это больше, чем просто письмо. Это часть его, часть нашей семьи.

- Сохраним, - мужчина принял конверт обеими руками, словно святыню. Он снова, в который уже раз, вытянулся по струнке перед Шэнь Чан Анем и чётко, по-военному, отдал ему честь. За ним, синхронно, повторили этот жест остальные трое. Затем, достав из нагрудного кармана визитную карточку, он протянул её Шэнь Чан Аню. - Вот здесь все координаты. Если в будущем возникнут какие-то проблемы - любые, слышите, абсолютно любые, - обращайтесь по этим контактам. Вас там знают. Вам помогут.

Шэнь Чан Ань принял карточку, взглянул на неё и, подняв покрасневшие, влажные глаза, через силу улыбнулся:

- Спасибо Вам. Спасибо, что приехали, что привезли... что не забыли.

Проводив этих четверых усталых, пропахших дорогой и, кажется, самой смертью людей, он закрыл за ними дверь, вернулся в комнату, достал шкатулку из шкафа, куда убрал её на время разговора, и запер в надёжный, стальной ящик. Затем, обессиленный, опустился на пол, прислонившись спиной к холодной дверце шкафа, и замер в полной, абсолютной тишине, глядя в одну точку невидящим взглядом. Мысли путались, воспоминания нахлынули липкой, тёплой волной.

Внезапно тишину разорвала вибрация телефона. Шэнь Чан Ань вздрогнул, посмотрел на экран. Звонил Дао Нянь. В трубке повисло молчание, а потом раздался его голос - такой неожиданный, такой... живой.

- Ты... не хочешь поесть хого (1)? - спросил Дао Нянь. Коротко, без предисловий, но в этом коротком вопросе Шэнь Чан Аню почудилась небывалая, непривычная теплота. Словно кто-то протянул руку в темноте.

---

1. 火锅 (huǒguō) - хого, "китайский самовар", "горячий котёл" - чрезвычайно популярное в Китае блюдо и способ приготовления пищи. Представляет собой общую кастрюлю с кипящим бульоном (часто разделённую на две половины - с острым и неострым), установленную в центре стола. Посетители самостоятельно опускают в кипящую жидкость различные сырые ингредиенты (тонко нарезанное мясо, овощи, грибы, тофу, лапшу) и варят их прямо во время трапезы.

<http://bllate.org/book/16518/1504311>